

НОВАЯ ПОЛЬША 11/2003

Содержание

1. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
2. ГОРЬКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ
3. 1000 ЛЕТ ВМЕСТЕ
4. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
5. САМАЯ ГЛАВНАЯ РОЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ — ТВОРИТЬ.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- День независимости (польский национальный праздник, отмечаемый 11 ноября) был установлен в 1937 г. в честь обретения Польшей независимости в 1918 году. В этот день I Мировая война завершилась капитуляцией Германии, а в Польше к власти пришел Юзеф Пилсудский. После II Мировой войны и почти 45-летней зависимости Польши от Советского Союза праздник 11 ноября был восстановлен только 15 февраля 1989 г. – в эпоху заседаний "круглого стола".

- Иоланта Квасневская не исключает, что выставит свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах: "Если я решу баллотироваться, то могу заверить в одном: я буду одним из самых подготовленных кандидатов (...) Я не планировала свою карьеру (...) Рейтинг [44% избирателей изъявляют желание голосовать за И.Квасневскую] заставил меня переоценить мой мир, изменить взгляд на Польшу, на свое прошлое (...) Я юрист. В отличие от многих политиков, которым никогда не приходилось нести ответственность за людей, работающих на их собственном предприятии, и думать, хватит ли денег на зарплаты, у меня была своя фирма, достигшая под моим руководством определенных успехов. Благодаря этому я знаю, что такое стабильность и ясность закона (...) Я человек прагматичный. По многим вопросам я могла бы прийти к соглашению как с левыми, так и с консерваторами. Мне кажется, что старое деление на партии давно себя изжило. Я знаю политиков, которые уже несколько раз по неизвестным мне причинам сменили партию, часто руководствуясь только амбициями. По-моему, в польской политике не хватает не четких границ, а определения главной цели и создания вокруг нее широкой коалиции. А ведь такая цель есть – это вступление в Евросоюз". ("Политика", 8 ноября)

- Отчет "Общественный диагноз-2003" свидетельствует о том, что дела у поляков идут лучше, чем у их государства. За последние три года средние доходы польских семей возросли на 14%. Однако 40% домашних хозяйств продолжают сетовать на то, что постоянных доходов недостаточно для удовлетворения текущих нужд. В начале 90-х об этом заявляли две трети хозяйств. На благо местной общественности в последние три

года работали 13% опрошенных. Только 12% заявляют о своем членстве в союзах, обществах и политических партиях. ("Жечпосполита", 16 окт.)

- Более трех четвертей опрошенных ЦИОМом утверждают, что они "скорее довольны" или "очень довольны" своей жизнью. Число недовольных уменьшилось с 28% в 1992 до 20% в 2003 году. Больше всего довольна молодежь (до 40 лет). ("Газета wyborча", 18-19 окт.)

- Польское общество склонно к размышлениям. Поляки не перестают задумываться о том, что происходит и что могло бы произойти. Они постоянно сравнивают себя с другими обществами, причем прежде всего с более развитыми. Кроме того, они нетерпеливы и хотят быстрых результатов проведенных преобразований. Так охарактеризовали польское общество профессора Ядвиги Коралевич и Марек Зюлковский из Института политических исследований ПАН в своей книге "Умонастроения поляков. Образ мыслей о политике, экономике и общественной жизни в 1988-2000 годах". ("Жечпосполита", 9 окт.)

- "В Европе социальное государство переживает глубокий кризис (...) Между тем в Польше наступил период раздачи социальных привилегий, хотя никто не задумывается о том, что и у нас придет время отбирать розданное. Может, стоило бы ограничить эту раздачу уже теперь - хотя бы ради спасения таких, еще живых в народе добродетелей, как семейные узы, готовность прийти на помощь и тепло, дающее надежду на будущее даже в самые трудные минуты жизни". (Кристина Гжибовская, "Впрост", 19 окт.)

- Из более чем 3 млн. зарегистрированных безработных почти миллион не ищет работу. Это означает, что статистика вводит нас в заблуждение и истинная безработица намного ниже - на уровне 13,5%. Значительная часть зарегистрированных безработных работает в теневой экономике и не хочет ничего менять. На бирже труда они регистрируются только затем, чтобы иметь право на бесплатное медицинское обслуживание, а в будущем - хотя бы на минимальную пенсию. ("Политика", 18 окт.)

- По данным Главного статистического управления (ГСУ), уже седьмой месяц подряд уровень безработицы неуклонно снижается. В январе он составлял 18,7%, в феврале возрос до 18,8%, а затем падал вплоть до 17,5% в сентябре. ("Жечпосполита", 31 окт.)

- Государственная администрация – один из крупнейших в Польше работодателей. В 2002 г. в государственных учреждениях работали 338,6 тыс. человек – в два раза больше, чем в 1989-м. Ни в одном секторе экономики занятость не росла так быстро. ("Жечпосполита", 27 окт.)
- В Польше средняя продолжительность судебного процесса составляет 1000 дней. Для сравнения: в Голландии судебный процесс длится в среднем 39 дней, в Литве – 74, в Армении – 65, в Словакии – 1003, а в Гватемале – 1460. ("Впрост", 9 ноября)
- Из отчета Европейской комиссии следует, что за полгода до вступления в Евросоюз Польша не в состоянии воспользоваться многими возможностями, предоставляемыми интеграцией. Замечания комиссии касаются прежде всего экономики. Членство в ЕС должно было на долгие годы обеспечить Польшу динамичное развитие, однако необходимые для этого структурные реформы, по мнению комиссии, застопорились. ("Жечпосполита", 6 ноября)
- По данным Польского национального банка, в сентябре платежный баланс был значительно лучше, чем ожидалось. Вместо ожидаемого дефицита в текущих оборотах в Польше наблюдалось превышение доходов над расходами, составившее 61 млн. евро. ("Жечпосполита", 3 ноября)
- В январе-августе этого года польский экспорт увеличился на 26% по сравнению с тем же периодом прошлого года. Стоимость импорта возросла на 20,7%. ("Жечпосполита", 14 окт.)
- Ученые из Краковского политехнического института разработали революционный метод переработки пластмассовых бутылок из-под прохладительных напитков. Из них можно производить материал, по прочности сравнимый с бетоном, пропускающий воду, но не впитывающий ее. Благодаря таким свойствам из него можно изготавливать плиты для укрепления почвы и поверхностей, подверженных сильным нагрузкам, для утепления фундаментов, стен, полов и крыш. ("Газета выборча", 14 окт.)
- "Житель Польши тратит на отопление своего дома газом 2900 злотых в среднем ежегодно, американец – на 400 злотых меньше, а словак – на 1800 злотых меньше. По сравнению с 2000 г. польские домашние хозяйства стали платить за газ на 40% больше (...) „Газпром“ продает газ концерну „Польская нефте- и газодобывающая промышленность“ по 125-130 долл. за 1000 кубометров (точная цена до сих пор остается тайной). Турки

платят россиянам около 80 долларов (...) Немецкие же промышленные потребители платят на целых 40% меньше, чем польские (...) „Газпром“ поставляет Польше 6,7 из 12 млрд. кубометров природного газа, необходимого нам в 2003 году (...) „Газпром“ держит нас за горло". (Кшиштоф Трембский и Александр Пинский, "Впрост", 9 ноября)

- С 1 ноября, в соответствии с подписанным несколькими днями раньше контрактом, НАК "Нефтегаз Украины" и фирма "Еврал Транс Газ" начали поставлять газ в Польшу. НАК - национальная газовая компания Украины; "Еврал Транс Газ" - посредник, чьих представителей в начале 2003 г. российская пресса обвинила в связях с мафией. Еще в этом году в рамках контракта Польша получит 800 млн. кубометров туркменского газа. В общей сложности до июля 2004 г. в Польшу будет поставлено 2 млрд. кубометров газа. ("Жечпосполита", 4 ноября)

- Коррупция, засилье партий в управлении государством и, как следствие этого, разочарование граждан и нежелание участвовать в общественной жизни - такой образ действительности представили участники прошедшей в президентском дворце конференции, посвященной 14 годам польских преобразований. Президент Александр Квасневский пригласил на конференцию более 180 представителей мира политики, экономики, науки и СМИ. ("Жечпосполита", 31 окт.)

- Из доклада проф. Януша Рейковского на конференции, организованной президентом: "Неуправляемость государства, массовая коррупция, преступность - все это симптомы одной болезни: глубокого ослабления идентификации граждан с демократическим государством. В дальнейшем последствием такого ослабления может стать развитие антидемократических движений". ("Тыгодник повшехный", 9 ноября)

- Согласно опросу ЦИОМа, только 8% поляков положительно оценивают работу правительства (на 3% меньше, чем в сентябре). В то же время отрицательные оценки деятельности кабинета министров возросли с 84 до 87%. Работу премьер-министра положительно оценивают 14% поляков (на 2% меньше, чем в сентябре), а отрицательно - 78% (на 3% больше, чем в сентябре). Зато число положительных оценок действий президента Александра Квасневского увеличилось с 67 до 70%, а отрицательных - уменьшилось с 27 до 23%. ("Жечпосполита", 24 окт.)

- После пяти лет лидерства на польской политической сцене "Союз демократических левых сил" (СДЛС) оказался в опросах на втором месте. В опросе, проведенном ЦИОМом, его опередила "Гражданская платформа", получившая 20-процентную поддержку. СДЛС поддерживают 18% опрошенных, "Самооборону" – 13%, "Право и справедливость" – 12%, "Лигу польских семей" – 11%, крестьянскую партию ПСЛ – 7%, а "Унию труда" – 6%. Однако в общей сложности правящая коалиция СДЛС-УТ все еще имеет 24-процентную поддержку. ("Жечпосполита", 8-9 ноября)

- Депутат Збигнев Семёнтковский, один из лидеров СДЛС и глава Управления разведки: "СДЛС сойдет с политической сцены и канет в политическое небытие, если не переживет радикального, глубокого потрясения (...) Пока что я не вижу механизма, способного очистить СДЛС от случайных людей, которые отпадут на следующий день после того, как партия проиграет выборы (если это, конечно, когда-нибудь случится). Пожалуй, больше всего шансов очистить СДЛС от всех этих патологий появится в ту минуту, когда он перестанет быть партией, членство в которой приносит выгоду". ("Газета wyborcza", 4 ноября)

- Лех Валенса: "Правые верят в Бога и частную собственность. Левые не верят в Бога, но верят в государственную собственность. Однако ситуация, сложившаяся у нас, совершенно ненормальна. „Союз демократических левых сил" опирается на частную собственность. Левые стали правыми, а правые – левыми. После полувекового формирования пролетариата мы только-только начинаем строить демократию". ("Политика", 1 ноября)

- В 2002 г. Сейм принял более 42 килограммов законов, что с помощью весов продемонстрировал вице-маршал Сейма Януш Войцеховский. ("Жечпосполита", 23 окт.)

- Восемь неправительственных организаций, занимающихся охраной животных и оказанием им помощи, заключили коалиционное соглашение. Они намерены сообща добиваться изменения закона об охране животных. ("Газета wyborcza", 6 окт.)

- По мнению экспертов из Института общественных вопросов, в Польше растет культурная неоднородность и слабеет ксенофобия. Согласно переписи населения, в Польше живет около 5 тыс. беженцев, 10 тыс. репатриантов и 40 тыс. легально проживающих и работающих иммигрантов. Кроме того, по разным оценкам, в Польше легально пребывают, но нелегально

работают от 150 до 500 тыс. иностранцев. Труднее всего включиться в жизнь общества беженцам (из Чечни, Грузии, Ингушетии, Шри-Ланки, стран Африки). Репатрианты жалуются на языковую дискриминацию и годами чувствуют себя чужими в новом окружении. Лучше всего чувствуют себя в Польше легальные иммигранты, которые учатся или работают. ("Жечпосполита", 28 окт.)

- Информационные надписи на цыганском языке появятся в местности Стшельце-Опольске. До сих пор, помимо польских, там были немецкие надписи. "Цыгане живут бок о бок с нами уже сто лет", – говорит староста Герхард Матея из немецкого меньшинства. По оценке председателя одного из местных обществ цыганской культуры Яна Коженёвского, это первая подобная инициатива в Польше. В Опольском воеводстве живет около 4 тыс. цыган. ("Газета wyborча", 5 ноября)

- Посол Израиля в Польше проф. Шевах Вейс: "В 1998 г. еврейское общественное имущество было передано еврейским общинам (...) До войны в Польше было больше тысячи общин, а сейчас их всего 12, и насчитывают они по 17, 20, 75 евреев (...) Я благодарен людям, помогающим нам заботиться о наших кладбищах. Прежде всего это замечательная польская молодежь, общество „Антисхемы" Ежи Форналика, фонд Халины Срочинской и сам Зенон Срочинский (...) Часто я вижу и достойные уважения инициативы президентов [мэров] различных городов, бургомистров, старост, депутатов местных советов, а также простых жителей, которые по зову сердца и совести заботятся о старых еврейских кладбищах (...) Я рад, что есть такие благородные организации, как российский Фонд польской семьи Ниссенбаумов, Фонд Лаудера, еврейские общины и не состоящие ни в каких обществах честные и порядочные поляки, которые знают, что от нас здесь остались только память и воспоминания..." ("Впрост", 9 ноября)

- 14 октября 1943 г. конспиративная организация еврейских узников фашистского лагеря смерти в Собиборе под Влодавой подняла бунт. Самые опытные бойцы – советские пленные – напали на охранников. Тремстам узникам удалось бежать. Большинство из них было схвачено и расстреляно немецкой полицией. Многих из тех, кому удалось спрятаться, выдали немцам местные жители. Спаслось около пятидесяти беглецов. С мая 1942 до июня 1943 г. немцы уничтожили в Собиборе 250 тысяч евреев и около тысячи поляков. ("Жечпосполита", 14 окт.)

- Немецкое меньшинство предложило магистрату Мальборка передать пустующее здание Иерусалимского госпиталя

прежним хозяевам города – мальтийским рыцарям. ("Впрост", 2 ноября)

- Министр национальной обороны Ежи Шмайдинский:

"Польское руководство считает, что наше государство нуждается в укреплении обороноспособности".

("Жечпосполита", 27 окт.)

- В бюджете будущего года расходы министерства национальной обороны превысят 3,4 млрд. злотых, т.е. будут самыми крупными за много лет. Заказы на поставку оружия и оборудования, необходимого для участия в иракской операции, в 90% случаев получают отечественные производители.

("Жечпосполита", 29 окт.)

- В Ираке погиб польский офицер. Майор Хиероним Купчик был смертельно ранен во время обстрела польской автоколонны.

Это первая потеря поляков со времени размещения в Ираке польского контингента. ("Жечпосполита", 7 ноября)

- Станислав Лем: "Человек, пытающийся осмыслить ситуацию в мире, погружается во мрак. Число факторов, которые следует учитывать, превосходит возможности нашего ума (...) Над горизонтом нависли свинцовые тучи. Трудно сказать, что из них выползет. Можно поставить карандаш на заточенный конец, но он сразу упадет – только неизвестно, в какую сторону. Именно так выглядит положение нашего мира. Должно быть, после 25 лет понтификата Папа взирает на это с огромной тревогой". ("Тыгодник повшехный", 19 окт.)

- Из интервью с Егором Гайдаром: "У вас в Польше правят посткоммунисты, но они совсем не такие [как в России] (...) от них наверняка нельзя ожидать массовых казней или попыток установить тоталитарный режим – ведь они всегда были только отделом КПСС по контролю над Польшей. В связи с этим их полномочия были невероятно ограничены, и они это прекрасно сознавали. После краха коммунизма они активизировались, так как были заинтересованы в том, чтобы существовать в условиях демократии. С ними можно иметь дело. Наши – совсем другие. Это имперская, антисемитская, националистическая партия – никакие не социал-демократы, а национал-социалисты. Вы в Польше не сумели предотвратить прихода к власти ваших посткоммунистов, что, впрочем, оказалось не так уж опасно. Но, если бы мы позволили прийти к власти нашим, это было бы действительно ужасно. И для нас, и для всего мира. То, что нам удалось не допустить этого, – по-настоящему великое дело". ("Газета wyborча", 25-26 окт.)

- Умер председатель Хельсинского фонда по правам человека Марек Новицкий. "Мы воздаем дань памяти Марека от имени всех россиян, которые стольким ему обязаны", – говорили на похоронах выдающиеся деятели сопротивления советской власти и защитники прав человека Сергей Ковалев и Людмила Алексеева. Произнося прощальное слово, Алексеева держала пачку писем, полученных ею после смерти Марека: "Его ученики писали мне со всей России. Они хотели бы быть здесь, но, если бы они приехали, на кладбище не хватило бы места. Марек помог нам стать профессиональными правозащитниками, превратил молодых энтузиастов в специалистов". "Закон был для него ограничением, а не орудием власти", – сказал Сергей Ковалев. ("Газета выбора", 18-19 окт.)

- Славомир Поповский: "Мне близка та Россия, в которой я жил и которую я видел – раз пленительная, а на следующий день кошмарная и невыносимая; Россия моих друзей, с которыми я мог ссориться, смеяться и вести долгие „кухонные“ беседы о жизни и политике (...) Но в то же время Россия, полная нонсенов, непонятных иностранцу (...) замкнутая в себе, непрестанно впадающая из одной крайности в другую. Опасная для других и для самой себя. Короче говоря, Россия моих русских братьев". ("Жечпосполита", 25-26 окт.)

- В редакции газеты "Жечпосполита" прошла встреча с главными редакторами крупнейших российских газет. Независимо от множества различий в работе СМИ в Польше и России, все были едины в одном: балласт исторического опыта не может препятствовать продолжению диалога, который в последние годы практически прервался. В результате рядовой русский и рядовой поляк знают друг о друге все меньше, а интеллектуальные контакты между нашими странами поддерживаются только с помощью других. ("Жечпосполита", 23 окт.)

- Из выступления проф. Анджея Пачковского на московской конференции "Польша-Россия, 1939-1989: тяжелое наследие": "Трудно сказать, действительно ли в Польше национальные стереотипы более заметны, чем в России, но я постараюсь объяснить, почему может возникнуть такое впечатление. Россия и русские очень важны для поляков. Для нас интерес к России – одна из главных тем. Между тем Польша для России – страна второстепенная. У большинства россиян нет никакого сложившегося мнения о Польше: она им безразлична. Поэтому в России антипольские стереотипы не видны. В польской историографии сохранилась линия критического подхода к

истории своего народа и государства, часто именуемая „краковской школой". В России весьма распространено оправдание тех или иных действий. Польским историкам легче показывать негативный образ Речи Посполитой, напавшей на Россию в XVII веке и занявшей Кремль, нежели российским говорить подобным образом о 1939 годе". ("Газета wyborcza", 3 ноября)

- На Краковской книжной ярмарке были широко представлены русские книги. По мнению переводчицы Эвы Ройтман-Олеярчик, "русская книга возвращается в Польшу после долгих лет отсутствия, неприязни и предубеждений (...) В последнее время мне предлагают все больше переводов. Мы начинаем наверстывать упущенное". ("Газета wyborcza", 24 окт.)

- Мариуш Машкевич, бывший посол Польши в Белоруссии: " [Когда-то] польские товары пользовались на российском рынке заслуженной репутацией. Но в последнее время с этим бывают проблемы. В Калининграде я слышал от российских предпринимателей, что там в ходу выражение „польские сосиски" – синоним завалящего товара низкого качества. Хорошую репутацию надо долго завоевывать (...) Однако пришло время жесткой конкуренции, а утратить наработанную позицию очень легко". ("Жечпосполита", 7 окт.)

- В Свиноуйсьце вновь открыт демонтированный четыре года назад памятник дружбы польских и советских моряков. Ремонт оплатило Поморское пароходство по просьбе губернатора Калининградской области Владимира Егорова, одного из последних командиров Балтийского флота в Свиноуйсьце. ("Газета wyborcza", 27 окт.)

- В 60-ю годовщину битвы под Ленино премьер-министр Лешек Миллер почтил память погибших там солдат польской дивизии. В ходе драматических двухдневных боев поляки выполнили поставленную перед ними тактическую задачу. Они были отозваны с передовой, в частности благодаря ходатайству Ванды Василевской у Сталина. Василевская пришла в ужас от потерь, о которых доложил ей командир дивизии генерал Зигмунт Берлинг: в битве погибло около 600 солдат. ("Газета wyborcza", 13 окт.)

- Во время пребывания под Ленино Лешек Миллер встретился с представителями белорусской оппозиции. Как сообщил пресс-секретарь правительства, во встрече принял участие, в частности, председатель Белорусской социал-демократической партии Микола Статкевич. ("Жечпосполита", 15 окт.)

- В Белоруссии не осталось ни одного постоянного корреспондента польской прессы. Последним в начале октября закрыло свое представительство Польское агентство печати. Сложившаяся ситуация вызывает беспокойство у белорусской оппозиции. ("Жечпосполита", 17 окт.)
- Одна из главных целей недавно созданной Польско-украинской межпарламентской ассамблеи – помочь Украине приблизиться к западным структурам. Председателем ассамблеи с польской стороны избрана вице-маршал Сената Иоланта Данеляк; с украинской – заместитель председателя Верховного совета Александр Зинченко. Ассамблея будет собираться раз в году. Постоянно будут работать две комиссии: общественно-политическая и по делам экономического сотрудничества. Первое заседание ассамблеи прошло в Киеве. ("Газета wyborча", 14 окт.)
- На месте деревни Борщевка, разрушенной 60 лет назад украинцами и немцами, поставлен гранитный крест с польским орлом и надписями на польском и украинском языках. На кладбище, открывшемся там, где когда-то стояла деревня, покоится прах 250 поляков, жителей Борщевки, убитых в 1943 году. "Это мое Едвабне", – сказала участвовавшая в церемонии открытия кладбища супруга президента Польши Иоланта Квасневская. Среди убитых в Борщевке были члены ее семьи. ("Жечпосполита", 7 ноября)
- Харцеры из Згежа привели в порядок три кладбища солдат Юзефа Пилсудского на Волыни. В свою очередь украинские скауты приехали в Польшу, чтобы ухаживать за могилами солдат Симона Петлюры в Калише. ("Жечпосполита", 31 окт.)
- "В процессе вступления в НАТО и ЕС мы пользовались опытом Польши, которая идет на шаг впереди нас", – сказал президент Румынии Ион Илиеску, благодаря Александра Квасневского за ратификацию Польшей вступления Румынии в НАТО. ("Жечпосполита", 9 окт.)
- Из письма в редакцию Анджея Чеслава Жака: "Грузинский офицер-контрактник майор Дмитрий Шаликашвили служил в Варшаве в 1-м полку легкой кавалерии им. Юзефа Пилсудского, в составе которого был отправлен на фронт в 1939 году. Ранее, до 1926 г., он служил в 11-м уланском полку в Цеханове. Сын Дмитрия Ян (Джон) Шаликашвили, родившийся в Варшаве 27 июня 1936 г., в 1993–1997 гг. был главой Объединенного комитета начальников штабов, т.е. высшим по рангу офицером американской армии, подчинявшимся только президенту

Клинтону. Генерал Шаликашвили посетил Польшу в 1994 и 1995 годах". ("Тыгодник повшехный", 12 окт.)

- К двум годам лишения свободы приговорил Валбжихский суд бывшего офицера госбезопасности Ежи Х. за пытки активистов "Солидарности" в 1982–1986 годах. ("Жечпосполита", 6 ноября)

- Варшавский апелляционный суд пришел к выводу, что в люстрационном заявлении бывшего депутата СДЛС и многолетнего дипломата Влодзимежа Конарского содержатся ложные сведения. Конарский не написал в заявлении о своем сотрудничестве со спецслужбами ПНР. В результате он не сможет занимать высоких государственных постов в течение 10 лет. ("Жечпосполита", 10 окт.)

- Прокуратура предъявила Збигневу Соботке обвинение в том, что "25 марта 2003 г., занимая должность статс-секретаря министерства внутренних дел и администрации и (...) располагая (...) информацией о планируемой операции Центрального следственного бюро Главного управления полиции по задержанию и привлечению к уголовной ответственности староховицкого старосты Мечислава Славека, заместителя председателя совета Староховицкого повята Марека Басяка, а также членов организованной преступной группировки, занимающейся, в частности, торговлей огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами, распространением психотропных веществ, кражей автомобилей и незаконным присвоением транспортных компенсаций (...) он передал сведения о планируемых действиях полиции против упомянутой группировки, Мечислава Славека и Марека Басяка не имеющему соответствующих полномочий [депутату] Генрику Длугошу, который в свою очередь передал их также не полномочному [депутату] Анджею Ягелло, предупредившему о предстоящих действиях полиции лица, против которых они были направлены". ("Жечпосполита", 21 окт.)

- "Что ты там, Гжегож, наводишь тень на плетень в деле Соботки? – спросил министра юстиции и генерального прокурора Гжегожа Курчука премьер-министр Лешек Миллер. – Почему я, твой начальник, не знаю о многих вещах?" Ответ министра изумил премьера. "Мой единственный начальник – Уголовный кодекс", – сказал Курчук. В дальнейшем он заявил: "Обратившись к Сейму с просьбой лишить министра Соботку депутатской неприкосновенности, я сделал то, к чему обязывает генерального прокурора закон". (Войцех Сумлинский, "Впрост", 26 окт.)

- О том, что Збигнев Сobotка передал сотруднику "Штази" подробные данные, касающиеся внутренней ситуации Польши, стало известно еще в 1994 г., когда были опубликованы документы, хранящиеся в Институте Гаука. Под донесением Сobotки было написано: "Источник информации подлежит тщательной охране". По мнению уполномоченного правительства Германии по работе с архивами "Штази" Йоахима Гаука, такая приписка могла касаться только агента. ("Газета польска", 22 окт.)

- По мнению Келецкой прокуратуры, об операции Центрального следственного бюро Збигнева Сobotку предупредил главный комиссар полиции ген. Антоний Ковальчик. ("Тыгодник повшехный", 26 окт.)

- Чистка в высших эшелонах полиции. Должностей лишились главный комиссар и двое его заместителей – создатель Центрального следственного бюро и начальник отдела по предотвращению преступности. ("Газета wyborча", 30 окт.)

- Депутат от "Права и справедливости", член комиссии Сейма по внутренним делам и администрации Людвик Дорн считает, что в настоящее время действуют два механизма контроля над полицией. Первый – страх перед сменой власти. В этом случае замеченные под ковер делишки рано или поздно выйдут наружу. Второй – контроль СМИ и общественного мнения. Полицейские и политики опасаются, что те, кого СМИ поймают с поличным, заплатят за это своей карьерой. ("Впрост", 26 окт.)

- Премьер-министр Лешек Миллер: "Мы стали свидетелями множества афер. Я имею в виду не только Варшаву, но и скандалы, случающиеся в гминах и органах местного самоуправления. Я стараюсь просматривать местную печать. Честно говоря, иногда это бывает довольно удручающее занятие". ("Ньюсуик-Польша", 9 ноября)

- В Польше резко растет число экзорцистов. "Еще пять лет назад в Польше было только четыре священника, которым епископы поручили изгонять из одержимых злых духов. Теперь нас больше сорока", – говорит о. Мариан Пёнтковский, координатор деятельности священников-экзорцистов. "Одержимых все больше, ибо все больше искушений", – поясняет экзорцист из Клеосина о. Бенедикт Борковский. ("Ньюсуик-Польша", 26 окт.)

- В специальном обращении к жителям столицы президент Варшавы Лех Качинский призвал их оставлять подвалы

доступными для кошек, чтобы тем было легче пережить зиму.
("Газета wyborcza", 29 окт.)

- Во время встречи с читателями лауреату главной польской литературной премии "Нике" Ярославу Мареку Рымкевичу было задано несколько вопросов о кошках, упоминающихся во многих стихотворениях из награжденного сборника "Закат солнца в Милянубеке". На один из этих вопросов Рымкевич ответил: "Это мои друзья. Никто не знает о них столько, сколько знаю я, и ни у кого нет с ними таких проблем, как у меня". ("Газета wyborcza", 15 окт.)

- Приведем отрывок из стихотворения Ярослава Марека Рымкевича (в переводе Натальи Горбаневской):

В сад приходить – это может кто хочет

Ты человеческий входи серый котик

Дикий лужок мой вот-вот расцветет

Верю Господь на него забредет

Ночью войдет потихоньку и спросит

Что это кошек из дома уносит

ГОРЬКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Ни одного столь горького и жестокого стихотворения не было написано в Польше. Я нашел его в "Антологии польской поэзии в изгнании" под редакцией Богдана Чайковского, выпущенной в 2002 г. издательством "Читательник" и Польским издательским фондом в Канаде. Книга эта прошла незамеченной, вероятно, по причине слишком капризного отбора и отсутствия указателей.

Стихотворение написал Ян Даровский, силезец, родившийся в 1926 г. и во время войны призванный в ряды Вермахта; в Нормандии он перешел на сторону союзников и вступил в польскую армию. Затем поселился в Лондоне, где выбрал профессию печатника, и принадлежал к группе молодых польских поэтов "Континенты". Он сотрудничал со многими периодическими изданиями как поэт, литературный критик и переводчик польской поэзии на английский язык и английской на польский. Выпустил два сборника стихотворений: "Древо преткновения" (Лондон, 1969) и "Нежданные жизни" (Лондон, 1990).

И вот стихотворение, озаглавленное

"POST MORTEM":

Ушли под нашу землю со звездой Давида,
Двуокисью псалмов смертельных воздух отравили,
нам задыхаться, нам, свидетелям убийства,
склонясь, идти в истории об руку с палачом.
И выпивка не в помощь. На поверхность
всплывает масляным пурпуром наше лицемерье.
Не в помощь памятники, даже то, что беззащитны
мы были, как они. Не всех печалил меч,
для нас Гордиев узел разрубавший,
две жизни нации рассекший.

И выпивка не в помощь – Лета глупцов и трусов.

В белых перчатках подавать убийца

способен руку тем, что уцелели.

Может сказать: смотри, моя десница

чиста – она не знала,

что творила шуйца.

Задумчивый ура-христианин,

в Атлантику отряхивая пепел от сигары,

может сказать: ну да, была рука

и надпись, только я очки забыл.

Но мы – мы в заговоре были старше всех,

даже к молчанью не принуждены,

мы ели общий хлеб, из тех же родников

мы пили, руки их касались нас,

руки бескровные портных библейских.

.....

И те же руки стали ветром за окном

и раздирают алый стыд венка,

раздирают память.

Это стихотворение можно читать как операцию, производимую на коллективном подсознании, что в свою очередь заставляет искать ответа на вопрос, существует ли таковое. Но массовое убийство народа польских евреев, совершенное гитлеровцами, – это исторический факт такого веса и такой устойчивости, что невозможно не задуматься, какие следы оно оставило в нашей психике.

Кто знает, может быть, это произведение заслуживает быть проанализированным, стих за стихом, с полемическими намерениями по отношению к выраженному в нем чувству вины? Не последнее значение приобретает это произведение

еще и тем, что подобные слова вообще не застряли в горле у польского поэта.

Но что скрывается за тем фактом, что такое стихотворение написано вне Польши? Какой род цензуры, внешней или внутренней, не позволил поэтам в Польше поднять подобную тему?

"Антология польской поэзии в изгнании" весьма богата, и жаль, что отечественные читатели не знают ни имени Яна Даровского, ни многих других имен поэтов, пишущих за границами страны.

Перевела Наталья Горбаневская

1000 ЛЕТ ВМЕСТЕ

По самым приблизительным подсчетам, польское население перед концом существования шляхетской Речи Посполитой составляло около 40% всех жителей страны, притом лишь часть их обладала национальным сознанием. В период существования II Речи Посполитой [после 1918 г.] это население возросло до 60–70%, остальную часть составляли евреи, белорусы, украинцы, не говоря уже о немцах. Между тем как из большинства учебников по истории Польши, используемых на разных уровнях народного образования, так и из многочисленных общих очерков этой истории трудно узнать, что на протяжении столетий Речь Посполитая в национальном смысле выглядела мозаикой. Недаром еще в XVII в. ее сравнивали с пестрой птицей.

В учебниках скупое и неохотно упоминали о евреях, и эта традиция продолжается, за что авторам иногда выговаривают в рецензиях.

Однако в XVI–XVII вв. поляки вполне отдавали себе отчет в том, что среди них живет множество ассимилированных пришельцев: от христиан, говоривших первоначально на немецком, литовском или восточнославянских языках, до бывших исповедников ислама (татар) и иудаизма (евреев). И это никому не мешало – самое большое, время от времени находило отзвук в добродушных анекдотах о свежее испеченных христианах. В глазах же магнатов или богатых помещиков евреи по многим причинам представляли собой прямо необходимый элемент. В контрактах, которые они подписывали с арендаторами и корчмарями еврейского происхождения, мы находим забавно звучащее для нас условие: обязанность информировать помещика о том, что происходит на белом свете...

Если на склоне Средних веков евреи составляли приблизительно 0,6% жителей Польши и Литвы, двух государств, связанных личной унией, то в середине XVI в. это население насчитывало уже около полумиллиона человек, т.е. целых 5% всех жителей тогдашней Речи Посполитой. Оно сильно уменьшилось во время восстания Богдана Хмельницкого, который в 1648 г. поднял знамя бунта против шляхетского государства. Восстание проходило под лозунгом резни ляхов (панов), евреев и католического духовенства, т.е.

тех групп, на которых казаки (называемые тогда также русинами) возлагали вину за экономический, религиозный и политический гнет. От казацких ножей и сабель тогда погибло свыше ста тысяч евреев. Массовая резня шла на территориях, откуда под напором повстанцев отступали польские власти и войска. Правда, оставляли жизнь тем исповедникам иудаизма, которые соглашались принять православие. Триста лет спустя евреям, запертым в гитлеровских гетто, ничуть не помогали заявления о том, что они крещеные и чувствуют себя поляками или немцами.

Из многих сочинений XVII–XVIII вв., особенно сатирических, ясно видно, что те же слова критики, что были обращены на хозяйственную, прежде всего торговую, деятельность евреев, адресовались и осевшим в Речи Посполитой армянам, шотландцам или итальянцам. Обвинения, выдвигавшиеся против исповедников иудаизма, ислама и сторонников протестантизма, невероятно совпадали. Довольно часто с ними выступали те же самые авторы, которым мешал всякий "чужак", т.е. человек, отличающийся от них языком, обычаями и верой. Почти все черты, которые в общем ощущении создавали эту чуждость, приписывали как еврейскому, так и татарскому или цыганскому населению.

Еврей-богохульник, не признающий Божественной природы Христа, экономический конкурент, выступал и как своего рода шут – трусливый, боящийся даже собаки, смешно искажающий польский язык, готовый к любым унижениям ради самой ничтожной прибыли. В свою очередь евреи презрительно называли тех из своих, кто забавлял христиан показом и передразниванием плясок и других еврейских обычаев, *Małufesjude*. Некоторым его аналогом в глазах христиан был так называемый шабес-гой, католик, исполнявший для евреев, обычно за малые деньги, дела, которые закон запрещал им исполнять в субботу. Постановлениями католических синодов, запрещавших католическому населению входить в какой бы то ни было контакт с еврейским, вторили постановления раввинов и кагалов, тоже рекомендовавших иудеям оставаться в изоляции.

Бывало также в Речи Посполитой, что евреев притягивали к суду по обвинению в пролитии христианской крови (мнимые ритуальные убийства маленьких детей) или об осквернении украденных из костелов святых даров. Значительное число этих судебных дел оканчивалось все-таки оправданием подсудимых, чему способствовал и тот факт, что защищали их, притом очень умело, адвокаты-христиане, нанятые и

оплаченные еврейскими общинами. Кстати, Ваад, сейм четырех еврейских провинций, созданный по образцу польского Сейма, располагал постоянным фондом, предназначенным на защиту лиц, обвиненных в ритуальных убийствах и осквернении святых даров. В то же время как в XVI, так и в XVII веке пишутся апологии польской терпимости, благодаря которой изгнанные из других стран евреи находили хлеб и свободу вероисповедания на берегах Варты, Вислы и Днепра. Поэтому еврейский летописец из Праги Давид Ганс оплакивал "честного" короля Сигизмунда Августа. На ту же тему нередко высказывались и еврейские поэты.

Только во второй половине XIX в. к жителям разделенной между тремя державами-захватчицами Польши дошли лозунги антисемитизма, частично находившие благожелательный отголосок в обществе. Правда, еще в XVII в. слышалось возмущение конкуренцией, которую создавали еврейские врачи, но авторы антииудейских сочинений сосредотачивали главное внимание на хозяйственной деятельности евреев. Процессы ассимиляции, которые в XIX в. охватили многие еврейские круг, повели за собой появление не только врачей и адвокатов, но и публицистов, профессоров или, наконец, актеров и режиссеров еврейского происхождения. Если раньше конкурентом был еврейский мелкий лавочник, корчмарь или арендатор, тут почувствовали себя в опасности представители т.н. свободных профессий. Польско-еврейские отношения на территории Царства Польского, которые составляло интегральную часть Российской империи, ухудшились под конец XIX в. из-за массового наплыва т.н. литваков. Это были евреи, выселенные из глубины империи, слабо или вовсе не владевшие польским языком, зато остававшиеся под явным влиянием русской культуры. В них увидели очередную волну проводников русификации, появление которых тормозило процессы ассимиляции, шедшие в среде польского еврейства. Все это привело к тому, что не только среди русских купцов или ремесленников, но и среди интеллигенции находили отзвук антисемитские лозунги, провозглашаемые национал-демократами и некоторыми органами католической печати.

Во время ненадолго (1918-1939) обретенной независимости Польши правые требовали массовой эмиграции евреев, составлявших под конец II Речи Посполитой почти 10% населения (3,3 из 36 миллионов). На их защиту становились левые, видевшие источник улучшения экономического положения только в самых радикальных социальных реформах (во главе с аграрной реформой), а не в колонизации польскими

евреями например... Мадагаскара (среди прочих и такой проект выдвигался). Они боролись и с антисемитским стереотипом еврея, который пропагандировал национал-радикалы, в большой степени беря пример с пропаганды Третьего Рейха. Однако даже в этой печати не появлялись предложения решить еврейский вопрос путем истребления народа. Поэтому резкость высказываний об этой общине не смягчалась опасением, что любая критика евреев может быть воспринята как косвенная форма одобрения "окончательного решения еврейского вопроса" и газовых камер.

Сегодня, однако, ее иногда прямо отождествляют с антисемитизмом, даже если она касается евреев-ростовщиков, живших в далекие времена. Потому-то так важны объективные, опирающиеся на фундамент множества источников исследования еврейской общины; важны они и ввиду резонанса в широком общественном мнении, прежде всего таких стран, как Израиль и Польша. Оба государства появились на политической карте мира лишь в XX веке, с той лишь "малой" разницей, что наше государство – после 123 лет небытия, а евреям приходится опираться на исторические традиции двухтысячелетней давности.

В число добросовестных исследователей, которые сумели устоять перед всяческим политическим нажимом, несомненно входит Якуб Гольдберг, историк родом из Польши, много лет живущий в Израиле. Он автором многочисленных трудов о положении евреев в бывшей Речи Посполитой, опубликованных на иврите, по-польски, немецки и английски. Они прочно вошли в научный обиход; без знания работ Якуба Гольдберга сегодня не обойдется ни один автор, занимающийся польско-еврейскими отношениями в былые века. Недавно он выпустил трехтомный, фундаментальный, насчитывающий в сумме почти тысячу страниц сборник документов "Еврейские привилегии в Речи Посполитой".

Воистину трудно переоценить значение этой публикации, показывающей как правовое, так и экономическое положение еврейского населения в Польше и размах привилегий, которые получали от ее властителей отдельные городские общины. Якуб Гольдберг публикует документы на основе копий, хранящихся в варшавском Главном архиве древних актов и других наших архивах. Львиная доля этих документов до сих пор не печаталась или вообще была неизвестна исследователям. К счастью, они попали в руки первоклассного ученого класса, который обеспечил высокую культуру издания. Обширные резюме документов, вступительная статья и примечания

занимают два тома. Третий том содержит польский вариант всех этих сведений. Мне самому случилось заниматься, хотя и в более скромных размерах, изданием источников, поэтому я могу отметить, что подготовка книги к печати потребовала нескольких тысяч часов упорного и тщательного труда. Хвала за это издателю, которому будут благодарны все будущие исследователи вопроса. Отныне при чтении или рецензировании любой работы, касающейся еврейских общин в шляхетской Речи Посполитой будет раздаваться все тот же сакраментальный вопрос: "А заглянул ли ты в Гольдберга?"

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Нету дня, когда мне не случилось бы переживать специфические удовольствия, связанные со слушанием «Последних известий» по радио и просмотром утренней печати: афера на афере едет и аферой погоняет. При этом сам предмет афер неинтересен — я обращаю больше внимания на их характер: в основном это мелкие жульничества, вранье, мошенничество, кражи, но происходящие в кругах власти. Они складываются в картину политической жизни, знаменующуюся преобладанием партийных и частных интересов, жизни, где мышление в категориях государства и его интересов отодвигается на задний план. Участники политической игры делятся на «своих» и «чужих», а общество рассматривается как объект манипуляций. Если бы не СМИ, которые все более явно становятся основным гарантом сохранения демократического порядка, все эти аферы замалчивались бы и утаивались, а государство превратилось бы в усадебный двор «групп, отправляющих власть», как называют это комментаторы попыток захвата политиками рынка СМИ.

Какова в этом роль интеллигенции? Ее попробовал определить проф. Ежи Едлицкий в разговоре с Барбарой Н. Лопенской на страницах последнего номера (2003, №7) недавно превратившегося из ежемесячного в ежеквартальный журнала «**Res Publica нова**»:

«Наша потенциальная роль в политике не из того берется, что наши взгляды благородней и испробованней, чем у других, но из того, что мы профессионально обязаны уметь их толком обосновывать. Кризис государства, наблюдающийся ныне в Польше, требует такого глубокого анализа, менее перегруженного эмоциями момента. (...) Тем не менее я считаю, что „грамотные умники“ (как нас называли в конце XVIII века) обязаны время от времени высказываться по вопросам государственной и общественной жизни. Кстати, если брать в целом, уровень польской политической и социальной публицистики я считаю совсем неплохим. (...) Есть авторы, которых всегда стоит читать, а тексты их — вырезать и складывать в папки. Деградация политической жизни

возникла у нас не от недостатка речей, но от дурного состояния общественной нравственности, обусловленного сравнительно низким уровнем цивилизации и образования, а также некоторыми врожденными недостатками демократии, против которых еще не изобрели эффективного противоядия. Перемены в нравах требуют десятилетий. И что тут может публицист? Написать, что нужна Речь Посполитая №4, ибо модель №3 изжила себя? Лучше уж, может быть, тогда сказать, что маловероятно, чтобы в таком обществе, как наше, возникла безупречная политическая партия, которая завоюет большинство голосов. Большое социальное движение на пять минут оказалось возможным. (...) Я не чувствую себя нравственно ответственным за политику, чувствую себя нравственно ответственным за Речь Посполитую. Мне очень жаль, когда молодые люди говорят, что польское государство их не касается, или ведут себя так, будто его состояние их не касалось. Я воспитан в патриотическом духе, необязательно в смысле апологии польских восстаний, но заведомо в духе уважения к людям, для которых независимость была великим делом, которые за нее боролись, погибали и ради нее работали. В то же время я знаю, что эта этика ушла в песок, что угасло что-то, что было подлинным содержанием жизни целых поколений. (...) Я не выношу, когда к государству относятся, как к субъекту контракта. Когда тот или другой публицист пишет, что хотел бы узнать, на что правительство тратит деньги, он проявляет такое отношение. Правительство для него — правление компании, в которую он вложил капитал. Не выношу таких умонастроений. Нация, как говаривал Эдмунд Берк и его последователи, — это не компания по торговле перцем. (...) Представляют ли собой государство, общество, нация какое-то нравственное целое или нет? Я считаю, что с того момента, как польское государство перестанет быть хоть каким-то нравственным целым и станет лишь комитетом, управляющим локальными и потребительскими интересами граждан, наступит конец вековой этики, и у меня нет никакого желания быть свидетелем этого. (...) Уже пришли те новые, кто до сих пор ничем в жизни не должен был жертвовать ради страны, ради отечества, ради своего города. Много раз в жизни я противостоял концепциям биографического детерминизма, ибо считаю, что он не имеет такого значения, какое ему придают. Говорил и писал, что не верю в „поколения”: мое взаимопонимание с людьми никогда не зависело от их возраста (...). Мы свободны и лично ответственны за наши привязанности, за взгляды и позиции по отношению к миру. Но есть некоторые вопросы — некоторые вопросы! — где оказывается, что это не так. Такой вопрос — цена свободы. И в

этом вопросе на самом деле можно понять друг друга только внутри своего поколения».

Интервью Едлицкого напомнило мне дискуссию о цене свободы, начатую в июне 2003 г. статьей Ежи Сосновского «Свобода задаром?», напечатанной в «Газете wyborчей» (№150). Автор (1962 г.р.), уже издавший три замеченные и высоко оцененные критикой книги прозы, — представитель поколения, которое в начале преобразований довольно резко отмежевывалось от социально-политической проблематики, декларировало свою приватность и обособленность, специфически воспринимало либеральный подход. Теперь наступило время переоценок:

«По всей вероятности (...) никто кроме меня уже не помнит публицистику, которую я печатал в начале 90 х. (...) Но близкие мне тогда идеи, довольно общо называемые либеральными (...) с некоторого времени возбуждают у меня сомнения — и я достиг точки, в которой чувствую себя обязанным об этом написать. (...) Травмированные всемогуществом государства реального социализма, мы хотели государства, мировоззренчески нейтрального, защищающего только те ценности, вокруг которых сложилось всеобщее согласие. Школа должна была обучать самостоятельности мышления и терпимости к инакомыслящим. Вместо иерархической культуры мы хотели открыть свободный рынок идей и эстетических пристрастий (...) Закон должен был очерчивать как можно более широкий круг, предоставленный деятельности граждан, которые живут по-своему и дают жить другим. (...) Если государство с помощью правовых предписаний и соответствующих служб (...) вмешивается лишь при нападении на ценности, вокруг которых можно ощущать единодушное согласие; если законодательные рамки можно установить лишь вокруг ценностей, стихийно признаваемых всеми кроме очевидных бандитов, — значит, в польскую публичную жизнь скрыто возвращается принцип *liberum veto*. В результате, собственно говоря, никакие ценности, кроме жизни (тех, кто уже родился) и собственности, т.е. никакие иные ценности, кроме прагматических, не могут быть защищены. Все остальные натолкнутся на больший или меньший хор протестов. (...) Провозглашение любой выразительной системы ценностей, если это не наша либеральная система, легко признать проявлением нетерпимости, даже если провозглашающий вовсе не предлагает правовой дискриминации своих противников. В результате стирается граница между существующими в Польше действительными энтузиастами авторитарного

государства, настоящими врагами свободы, и людьми, которые лишь иначе понимают ее объем и источники. (...) Молчаливая (...) посылка утверждаемой нами свободы и терпимости — признать, что одно из двух: либо человеческая природа стихийно хороша, либо семейные и дружеские круги будут успешно помогать тому, что в ней есть хорошего. Между тем из коммунизма мы вышли как общество, в значительной степени деморализованное; капитализм поставил перед нами искушения беспрецедентной в нашей жизни привлекательности; а семейные связи давно уже подвержены прогрессирующей атрофии. (...) Я не стал в один прекрасный день поклонником учения о естественном праве, высеченном в совести и получившем словесное выражение на страницах Библии. Но альтернатива, т.е. банализированное понимание Ницше, дающее каждому человеку сверхчеловеческое право устанавливать ценности, вызывает трезвое замечание того же Ницше о том, что человек, отбрасывая повиновение, часто отбрасывает свою единственную добродетель. Для большинства из нас указателем должны служить, хочешь не хочешь, традиции (...). Если этих традиций не передает дом, иначе развалился бы, не учит им школа, иначе ее обвинят в индоктринации учащихся, а поп-культура их заглушает или переиначивает — положение делается неприятным. Свобода внезапно оказывается не столько даже неудачным, сколько ничего не стоящим даром. Ибо свобода, которую мы возлюбили, — не ценность в себе, но необходимое условие проведения ценностей в жизнь. Ценности же (выжмем это из себя) остаются ценностями, если проводятся в жизнь с чувством нравственного долга, а не в результате преходящего желания. (...) Консервативный лагерь вроде бы убеждал, что цельная нравственная система позволяет избежать конфликта ценностей, а значит, может и должна отразиться в законодательстве, образовании и культуре. Ополчение либералов умело ответить на это, что, раз конфликты ценностей в жизни случаются, культура должна давать от них отдых (...), школа обязана лояльно предупреждать о таких конфликтах, а правовая система — быть как можно более гибкой; и все это для того, чтобы не увеличивать страданий граждан. (...) Борясь с окостенелостью права и нравов, подавляющих личность, мы начали пропагандировать бескостные позиции. (...) Между тем нечему радоваться: общества без традиций, без аксиологического и/или институционального костяка подвергается распаду. Страх перед людьми, которые из этих традиций и костяка могут сделать бич на всех инакомыслящих, страх перед цензурой и тоталитаризмом — страх, добавим, обоснованный, — приводит к тому, что не видишь куда более близкую опасность

— нигилизм. А он подсказывает, что в общественной каше, где подонков и дураков не отличить от умных и порядочных людей, потому что все ко всем относятся терпимо и каждый каждого обогащает, что в такой общественной каше живется куда удобней. На короткий срок это, по-видимому, верно. А на долгий?»

Вопрос Сосновского — это вопрос, разумеется, риторический. Отвечать на него надо, участвуя в гражданской жизни, а не выступая в ораторских соревнованиях. Статья Сосновского стала исходной точкой летней дискуссии на страницах «Газеты выборчей», а тем временем наша социально-политическая жизнь по-прежнему порождает аферы, доказывающие, что в этой общественной каше, не только удобней живется, но и легче скрывать гнусные замыслы. Каша — это не структура, а неопределенное месиво, которое не меняет своего характера, хоть вилами его перепашь. Чтобы создать нужную структуру, необходимо связывать порванные нити традиций, от которых зависит смысл долгожительства общества. Как делать это сегодня, в постмодернистском мире «конца истории»? Что такое традиции для тех, кто «ничем в жизни не должен был жертвовать ради страны, ради отечества, ради своего города»? На этот вопрос пытаются дать ответ на страницах «Плюс-минуса», воскресного приложения к газете «Жечпосполита» (2003, №206) Роберт Костро и Казимеж Михал Уяздовский (последний был министром культуры в правительстве Ежи Бузека). В статье «Обрести память» они пишут:

«Критическое отношение к своему прошлому сильно укоренено в польских интеллектуальных традициях (...). Современная критика не столько вырастает из заботы об улучшении национального состояния, сколько порождается модой на „герменевтику подозрений“, а может быть, это в еще большей степени комплекс неполноценности польской интеллигенции, который проявляется в том, что мы постоянно созерцаем себя в зеркале чужих мнений. Этот комплекс — одна из основных черт глубокого кризиса патриотизма и занижения польских чаяний. (...) Мы хотим любой ценой быть европейцами, часто забывая, что быть европейцем — это быть французом, немцем, англичанином, испанцем. В период коммунизма, несмотря на цензуру, мы вели серьезные споры о смысле различных патриотических позиций. (...) После 1989 г. наш интерес к истории оскудел. Многим людям казалось (...) что прошлое важно лишь для угнетенных, несчастных народов и что оно больше не нужно. (...) Сегодня, однако, эта атмосфера вновь меняется. Все повсеместней видны пороки III Речи Посполитой, все острее мы нуждаемся в ценностях, которые могли бы

помочь основательно ее реформировать или заложить фундамент IV Речи Посполитой. (...) В связи со слабостью нынешних авторитетов и кризисом доверия к политическим решениям следует обратиться к более широкой перспективе, которая позволяет видеть больше и лучше, увидеть смысл там, где текущие споры его затушевывают».

Такую перспективу дает исторический взгляд, восстановление традиций, где требование свободы составляет центральный вопрос.

«Так возможно ли оживить историю? Не стала ли она для современного человека чем-то скучным и нежеланным? (...) Нам ясно, что распространение исторических знаний составляет важный элемент гражданского воспитания. Без активной деятельности в этой сфере мы будем осуждены на то, чтобы только объясняться в несодеянных грехах, на роль объекта исторической политики других государств. Нам нужны не только пассивные знания, но и активность, „историческая политика“, прежде же всего союз поверх профессиональных и социальных разделений, который поможет преодолеть опасную инерцию. В число важнейших элементов такой активной исторической политики должны войти улучшение качества исторического образования в школах, укрепление существующих — общественных и независимых — учреждений и программ, которые играют важную роль в документации и популяризации истории (...), обязательство учреждений, отвечающих за пропаганду образа Польши, поднять эту проблематику (...), наконец необходимо создать современное учреждение музейно-исследовательского характера, активно выходящее навстречу нуждам современного эстетического и эмоционального восприятия. Такое учреждение, посвященное истории Польши, могло бы называться Музеем свободы».

Признаюсь, что идея сдать свободу в музей, тем более государственный, возбуждает у меня серьезные опасения. Кстати, такой музей в Европе уже существует: в Берлине на Фридрихштрассе, 44 десятки лет работает учреждение, которое обычно зовут «Музеем Стены». Может быть, стоит напомнить о нем более широкой публике в то самое время, когда в СМИ, и не только польских, идут многочисленные споры о том, как документировать преступления и свободолюбивые порывы обществ XX века... Там все это уже есть.

САМАЯ ГЛАВНАЯ РОЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ — ТВОРИТЬ.

— Ваш первый роман «Вайзер Давидек», изданный в 1987 г., немедленно был объявлен «книгой десятилетия». дождался он и хорошей экранизации в постановке Войцеха Марчевского. Это история группы двенадцатилетних детей из гданьского района Вжещ, которая летом 1957 г. переживает необыкновенное, волшебное приключение. Главный герой, еврейский мальчик, — личность со сверхъестественными возможностями, он доминирует в группе своих сверстников и становится их проводником по городу. Он открывает им дух этого города — позволяет прикоснуться к его тайне, но только прикоснуться. В чем состояла эта тайна?

— Главный герой Давид проходит метаморфозу, в которой сам отдает себе отчет. Из классического преследуемого, отщепенца он становится лидером, привлекает своих сверстников не тем, что обычно типично в такой группе: он из них физически не самый сильный. Но в нем есть то, чего нет у других, — духовное превосходство. Если перевести это на язык более широкого плана, можно было бы сказать, что на стыке христианских культур мы, поляки, в большой степени должники более древней культуры Писания. Рассказчик тридцать лет спустя в каком-то смысле это осознаёт. Роль Давидека Вайзера состояла в том, в чем состоит роль Библии: она не дает нам решений, а только рассказывает, позволяя человеку прикоснуться к Божией действительности. Суть текста как откровения в том и состоит, что кто-то, чаще всего пророк или Писание, говорит нам о том, что возможно и что есть призвание человека. Что же такое тогда эта тайна? Это само существование, таинственное и необъяснимое. Вайзер заставляет рассказчика осознать, что бытие и жизнь — неочевидный факт. Переводя это в свою очередь на язык географии города, можно все повествование истолковать как сознание рассказчика, польского мальчика, родившегося уже после войны в Гданьске — в таком удивительном и особом городе, — где история является нам в виде черной дыры, пульсирующей, нечленораздельной бездны.

Были здесь когда-то кашубы, а теперь их нет. Конечно, физически они существуют, но ощутимых следов их культуры нет. Были крестоносцы — остались лишь некоторые следы. Потом была купеческая республика, о которой писал Норман

Дэвис как о немецкой жемчужине в польской короне. Потом Гданьск заняла Пруссия, и следа от республики не осталось. После из этого города исчезли всегда там жившие поляки и евреи: этнические чистки, немцы совершают массовые убийства. А каких-то несколько лет спустя нет уж и следа от немцев. Вновь исчезает целая большая формация, хотя не все было разрушено. Нет языка и людей. Внезапно начинает звучать польский, белорусский, русский язык. В Гданьске все время что-то исчезает и появляется, а основополагающий вопрос звучит так: существует ли какая-то непрерывность и какое-то единое самосознание во всех этих переменах? В этом в свою очередь состоит тайна города, в которую вводит мальчиков Вайзер, позволяя им осознать многозначность их ситуации.

— Почему, как нарочно, о бывшем немецком городе больше всего знает еврейский ребенок?

— Это можно было бы истолковать как исторический парадокс, но тут важно не только его происхождение. Вайзер — прежде всего отщепенец. Есть такие дети, которые знают больше других, и это не обязательно еврейские дети. Отщепенец — классический герой европейской литературы по крайней мере со времен романтизма. Об этом много писала проф. Мария Янион.

— На какую память можно опираться в таком городе, как Гданьск?

— Ни на какую не обопрешься, что и сегодня зримо и болезненно. В России схожее положение с Калининградом. Мне кажется, что там пространство города тоже очень отличается от классического российского пространства, это отличие воспринимается как иной род организма. С Гданьском дело обстоит иначе: он всегда входил в польское культурное сознание. Со старопольских времен до конца XVIII века, т.е. до третьего раздела Речи Посполитой, Гданьск был необычайно известен и популярен, хотя имел статус вольного города. Потом эта непрерывность — прежде всего духовная, ибо стены можно восстановить, — была прервана. На какие ценности старого Гданьска могли бы мы сегодня опираться? Купеческие или республиканские — ценности самоуправления? Рассмотрев их сегодня, мы обнаружим, что эта бывшая демократия городской республики была демократией олигархии и не так уж она была привлекательна. Конечно, все вместе складывается в определенный миф, ибо в стенах города мы этого уже не найдем. Это не Краков, не Москва или Петербург, где стены несут память поколений, несмотря на страшные перемены типа коммунистической перековки. Очень важно, что у того же

самого камня, мимо которого мы проходим каждый день, допустим, по пути на трамвай, двести лет назад стоял писатель, язык которого был нашим языком. В Гданьска этого очень не хватает. Отсюда возникает острая проблема духовного овладения этим пространством — задача моего поколения. Мои родители были изгнаны со своих «малых родин», искали здесь возможности выжить, стали на якорь, но не пустили корней. Пожалуй, на протяжении многих лет они даже не любили этот город, хотя физически, географически он очень привлекателен. А я здесь родился. Поиски общей памяти, говоря метафорически, были задачей моего поколения. «Вайзер Давидек» был моим сделанным домашним заданием, записью определенной работы сознания. Когда в Кракове сын идет с отцом по Каноничей улице и спрашивает его: «Что тут было?» — отец спокойно отвечает: «Тут была мастерская Выспанского, а дальше жил Ян Длугош». В Петербурге отец покажет: «Вот здесь писал свои романы Достоевский, а здесь погиб царь, убитый народовольцами...» Когда мы задавали такие вопросы родителям в Гданьске, то они либо не знали, либо не хотели этим интересоваться. Жива была фобия к немцам, кстати вполне понятная. Немцы совершили здесь такие чудовищные преступления, что эта враждебность была очевидной и оправданной. Поколение моих родителей не хотело ничего немецкого. А у нас это уже выглядело иначе. Был ряд вопросов, на которые мы не могли найти ответа. Все наше детство и раннюю молодость мы открывали особость этого города, насыщенного несколькими пластами культур.

— *Ваш гданьский коллега Стефан Хвин считает, что «не Гданьск создал писателей, а писатели создали Гданьск. Гданьск Грасса или Хюлле — город, который существует только в воображении».* Согласны ли вы с этим?

— Да, в большой степени согласен. Я осознал это, когда один знакомый режиссер приехал искать пленэры для съемок фильма по роману «Мерседес-Бенц». Идет он по описанной мною улице и говорит, что пейзаж банален, поворачивает на другую — и опять банальность. А когда он читал книгу, все казалось ему таким ни на что непохожим. Быть может, в этом и состоит сила литературы. Она создает элементы вымысла, мифологизируя действительность в благородном смысле слова. Думаю, что Петербург без Достоевского был бы другим городом, как Дублин без Джойса или Нью-Йорк без Пола Остера. Роль литературы — творить.

— *Иосиф Бродский свой родной Петербург называл переименованным городом. Гоголь употребил более резкое*

выражение, назвав Петербург иностранцем в своем отечестве. А что с Гданьском?

— С польской точки зрения слова Гоголя отчасти подошли бы Гданьску. Это был город, где поляков всегда было довольно много, хотя 600 лет назад им завладели богатые немецкие купцы, которых наш первый гданьский владыка призвал, чтобы расширять торговые связи. Это была колония из Любека — первая; потом прибывали шотландцы, французы, широко звучал и фламандский язык. XVI–XVII века — два замечательных столетия гданьского богатства; Норман Дэвис назвал Гданьск тех времен Нью-Йорком Северной Европы. У польского шляхтича, который хоть раз в жизни хотел поехать в Гданьск и чаще всего плыл туда по Висле, со своим зерном и своим управляющим, возникало впечатление, что он въезжает в космополитический Вавилон, место грешных развлечений, невероятного богатства и огромного размаха. В XVII веке Гданьск насчитывал около 50 тыс. жителей, в то время как Париж — только 30 тысяч. О Гданьске можно сказать, что он был иностранцем, но освоившимся, говорившим по-польски с чужеземным акцентом. Приведу пример: в XVI веке, во время войны короля Стефана Батория с Гданьском, Сейм не мог утвердить подать на эту войну, так как имел право утверждать подати на войну с внешним врагом, а не с городом, граждане которого были гражданами Речи Посполитой.

— Борис Пастернак утверждал, что поэтическое творчество — это всего лишь припоминание впечатлений детства. Профессор Ян Блонский, которого считают «князем литературной критики» в Польше, говорил о вас как о писателе воспоминания и мечтания. Создаваемый вами мир — как в «Вайзере Давидеке», так и в сборниках рассказов — глубоко погружен в детство. Доказывает ли это, что слова Пастернака относятся и к прозаикам?

— Пожалуй, да, в большой степени. Детство — это период, который неосознанно становится человеческим капиталом на будущее. В детстве глубокие духовные структуры открыты, позднее мы в основном утрачиваем это свойство. Входя в систему отношений жизни взрослого человека, мы перестаем быть мечтателями. Пожалуй, художник — это тот, кто никогда не утрачивает детской восприимчивости, потому-то он и бывает психически неустойчивым. Говорил же Гомбрович, что за художником скрывается ребенок.

— Вы цените Томаса Манна и Достоевского, ибо они сумели сосредоточить основополагающие вопросы своей эпохи. Чего сегодня не хватает — основополагающих вопросов или, может

быть, гениальных писателей, которые сумели бы создать синтез нашего времени?

— Сегодня основополагающие вопросы взяла на себя наука, особенно в таких областях, как физика и астрофизика. Я стараюсь следить за этим, насколько в состоянии понимать. После периода пионерской радости рубежа веков, радости, что скоро мы уже будем знать все о материи — а этим вопросом человечество задается с колыбели, — сейчас оказывается, что тайна от нас ускользает, что ее решение все отодвигается; парадокс Сократа: зная все больше, мы знаем все меньше. Литературе же сегодня особенно нечего сказать. Если говорить об общественной жизни и переменах в ней, то можно вспомнить Манна, который предвидел фашизм, и Достоевского, который писал Легенду о Великом Инквизиторе, видя тень наступающих событий; но сегодня эти области обслуживает социология. Хотя сам я предвижу массовое обращение к духовным и религиозным вопросам и чувствую, что литература пойдет в этом направлении. В наше время самая главная область искусства — кино, которое смотрит весь мир.

— А не следовало бы кинематографу опираться на хорошую литературу?

— По крайней мере следовало бы. Но, с другой стороны, я замечая одну недобрую тенденцию: критики среднего поколения используют такой подход, как раньше в соцреализме: современной литературе положено — де быть такой-то и такой-то, писать надо о том-то и о том-то, например о безработице, педофилии, клонировании...

— В вашем последнем романе «Мерседес-Бенц» читателя захватывает высокое искусство повествования. Вы вслух признаётесь в сознательной стилизации. В «Вайзере Давидеке» это был стиль Грасса...

— Простите, перебую. Нет никакой связи между «Вайзером Давидеком» — в стилистическом смысле — и творчеством Грасса. Тут я с вами не согласен. Достаточно взять любую страницу текста Гюнтера Грасса и моего. Есть другой мостик: книга — ответ на другую книгу, и в этом смысле согласен; это сознательный диалог, вступление в разговор.

— В романе «Мерседес-Бенц» вы, можно сказать, заводите диалог с Богуславом Грабалом.

— В этом романе действительно есть сознательная стилизация некоторых текстов Грабала. В «Мерседесе» это что-то вроде пастиша или шутки.

— Тем не менее роман не стал пастишем. Как это вам удалось?

— Пастиш предполагает стилистический блеск и пародийный элемент. А как мне это удалось? Не знаю. Может, все-таки из любви к этому гениальному болтуну, настоящей любви к его книгам, к его духу повествования.

— Чеслав Милош в качестве наблюдателя польской литературы отметил, как устойчива травма изгнания из родных мест, даже если это места, которые помнят только родители или родители родителей. В романе «Мерседес-Бенц» мы видим Львов, Мостицы и дедовское поколение. Травма это или ностальгия?

— Для меня — скорее ностальгия, но для дедовского и родительского поколения это была травма. Невообразимый катаклизм, разразившийся в центре Европы, катаклизм, последствия которого ощущаются и сегодня. Обратите, пожалуйста, внимание на необычайную напряженность в нынешних польско-немецких и чешско-немецких отношениях по вопросу послевоенного изгнания немцев: какие идут споры и манипуляции вокруг проекта музея изгнанных, какие слова раздаются из уст Эрики Штайнбах, родившейся в оккупированной Польше. В той самой Польше, о которой ее соотечественник Ганс Франк остроумно сказал, что если бы все казни поляков совершать через повешение, то здесь вскоре не хватило бы деревьев. Послевоенную Европу можно сравнить с пациентом, который попал в тяжелый несчастный случай, потом перенес несколько операций, но уже никогда не будет таким ловким, чтобы ездить на лыжах. Такой пациент — европейская духовность. В рассказе «Gute Luiza» я говорю об этой характерной симметрии: часть Европы погибла в немецких лагерях, часть — в советских, а потом в результате решений, принятых в Яле, наступил всеобщий исход. Но деревья безнаказанно не пересадишь, а делали это в масштабах, до тех пор в Европе не встречавшихся. Переселения из страны в страну всегда характеризовали европейцев, но это были длительные процессы.

— О Галиции рассказчик романа говорит с ностальгией. Потому ли, что она символизировала независимость 1920-х, времена Второй Речи Посполитой?

— С исторической перспективы, наверное, так и было, хотя в течение 50 лет коммунизма Вторая Речь Посполитая была

грезой. Это государство не было ни идеальным, ни материально благополучным, ни вполне демократическим, ни таким, о каком мечтали поляки в эпоху разделенной Польши, но при немецкой и советской оккупации и позднее, в том странном государстве под названием ПНР, оно выросло до уровня мифа, хотя Чеслав Милош неоднократно предостерегал от идеализации тех времен. Он издал замечательную книгу «Возвращение в [межвоенное] двадцатилетие». Первое, что я сделал, — купил эту книгу моему сыну, чтобы он мог осознать некоторые вещи. Воспоминание о Галиции в моем романе — действительно воспоминание с мягкими контурами, но у меня солидное алиби в пользу моего рассказчика: он же говорит о судьбах двух людей, бабушки Марии и деда Кароля, у которых за всю их долгую жизнь были всего эти два десятка лет счастья. Эти годы ушли и больше никогда не вернулись. Потом были Освенцим и Колыма. Неужто я должен выговаривать им за это? Разоблачать их, как Павлик Морозов? Наверняка история о рабочих или крестьянах той эпохи была бы более суровой и жесткой. Но я не обязан писать обо всем. В этой книге я говорю о двух людях, которым на некоторое время жизнь подарила смысл, гармонию, любовь — счастье.

— От «Вайзера Давидека», изданного в 1987 г., до романа «Мерседес-Бенц» (2001), прошло 14 лет, и этого хватило, чтобы принизить символ Гданьска в вашей прозе; из Аркадии детства он стал городом подозрительной красоты. Почему?

— Я сравнил бы это с любовной связью мужчины и женщины — с точки зрения мужчины, ибо только она мне известна. Женщина может быть красавицей на протяжении многих лет; тем не менее, когда живешь с ней, замечаешь морщины, количество пудры и множество косметических мер, к которым она вынуждена прибегать, чтобы по-прежнему выглядеть привлекательно. Я вижу в Гданьске эту пудру, эти морщины и всю ту убыль, которой не заметит тот, кто приезжает сюда ненадолго. Вдобавок город утратил свой исторический разгон. В 80–90-е годы здесь происходило невероятно много вещей, важных для всей страны, а теперь город живет только мифами прошлого, прежде всего мифом «Солидарности». Не забудьте, пожалуйста, что мой роман по сути дела реалистический: через призму курсов на сдачу водительских прав он показывает, как труден Гданьск для жизни с точки зрения жителя и автомобилиста. Когда-то я опубликовал в газете «Жечпосполита» статью, предлагая пересмотреть мифы этого города, начав с демифологизации понятия города патрициев. Гданьск был городом быстрых финансовых карьер, больших денег, которые следовало немедленно пускать в оборот.

Культуру здесь рассматривали как своего рода украшение, витрину, всего лишь довесок.

— В «Мерседес-Бенце» есть сцена сноса памятника — советского танка Т-34. Против этого протестую ветераны Народной армии, Гражданской милиции, ЗОМО [польского ОМОНа]... Рассказчик, глядя на этих жалких ветеранов, приходит к выводу, что это символ не столько власти, сколько утопии, в которую они не переставали верить. А может, это был рефлекс поклонников сериала «Четыре танкиста и собака»? Мы же все, родившиеся в ПНР, воспитывались в культе Янека Коса и «Рыжего».

— Можно и это счесть ностальгией. Я сам, когда вижу старую «Сирену» — неуклюжий, смешной автомобильчик, выпускающий невероятное количество выхлопных газов, — вижу в нем свою молодость, бесповоротно ушедшее время. Возможно, у тех, кто протестовал против сноса советского танка, были и такие чувства, но сам тот факт, что они протестуют, — символ наступивших в Польше перемен. Немалая часть общества считала, что памятники прошлого ликвидировать не следует, каковы бы они ни были. Обратите, пожалуйста, внимание, что в моей книге описана довольно невинная ситуация; а вот когда протестовали против сноса памятника Дзержинскому, который был несомненным преступником, тоже раздавались отдельные голоса: нельзя — де сносить, потому что это тоже наследие. Рационально глядя, нельзя защищать все, что относится к прошлому, только потому, что символизирует его. А этих протестующих пенсионеров в своем романе я изобразил слегка сюрреалистически. Но в Гданьске есть еще один танк, советский Т-34, хотя и с польскими опознавательными знаками: он стоит напротив Медицинской академии и, видимо, уже останется там навсегда, хотя бы по той причине, что жители Гданьска сочинили о нем пророческий анекдот: он выстрелит среди бела дня, когда студентка, заканчивающая академию, окажется девственницей. 50 лет стоит танк и еще ни разу не выстрелил...

Когда-то возле обоих танков устроили мемориальные скверики с портретами Сталина и Рокоссовского и красными звездами. После «оттепели» 56-го года скверики ликвидировали, а танки остались.

— Ваш последний сборник рассказов вышел под впечатляющим заглавием «Я был одинок и счастлив».

— Сразу поправлю: это не новый сборник, а выбор из прежде издававшегося. Несколько рассказов говорят о детстве — и, в общем, это такая ностальгическая картинка детства. Сам

заголовок — цитата из рассказа «Улитки, лужа, дождь», где рассказчик описывает, как он бродил в галошах по уличным потокам от проливного дождя. В своем воображении он видел карту континентов, вначале чувствовал себя Богом, творил острова — попросту играл. И тогда он почувствовал, что одинок и счастлив: это был такой экзистенциальный момент, какой помнит с детства каждый впечатлительный человек, — момент общения с природой, когда хочешь быть одиноким, испытывая при этом несказуемое счастье. Мы один на один с материей, с природой, с Богом — это момент медитации. Если бы рассказчик описывал то же самое с точки зрения взрослого человека, он называл бы все по-другому, а ребенок чувствовал, что он одинок и счастлив.

— Вы приехали на нашу встречу из деревни, где пишете новую книгу. Можно узнать, что это будет теперь?

— Трудно мне сказать прямо сейчас, будет ли это новелла или микророман. Во всяком случае это основано на одной фразе из «Волшебной горы» Томаса Манна. Эти слова звучат во второй главе первого тома, где повествователь рассказывает биографию Касторпа до того момента, как тот отправился в Давос навестить больного туберкулезом двоюродного брата Иоахима. Эта фраза такова: «Позади остались четыре семестра, проведенные им в Данцигском политехникуме». И всё — больше ничего об этом не говорится. Меня многие годы эта фраза электризовала, до такой степени, что в свое время я написал краткое эссе «Касторп», где, играя с разными мотивами, предположил, что существует потерянная глава «Волшебной горы» о пребывании Касторпа в Гданьске, которую Манн по разным причинам потом решил не включать в книгу. Теперь я пишу вариации на эту тему — еще раз подчеркиваю: вариации! Это опять-таки не пастиш, не подмигивание, что вот, мол, в лавке древностей нашлась рукопись, и не притворство, будто Манн написал этот текст. Это вариация, то есть попытка поднять мимолетно упомянутую в «Волшебной горе» тему, задуматься над Касторпом в манновском философском понимании: что мог бы он сделать, а чего не сделал бы, с кем встречался бы, какие у него были бы настроения, как вел бы себя перед лицом нарастающего немецкого шовинизма, ибо это годы перед самой I Мировой войной. Есть определенный сигнал, позволяющий развивать такого рода спекуляции: Томас Манн крайне увлекался Польшей и Россией, что видно во многих его произведениях то открыто, то закамуфлированно, хотя литературу, как польскую, так и русскую, знал недостаточно. С точки зрения его духовности, восток Европы весил очень много. Вероятно,

отсюда и взялось обучение Касторпа в Гданьске, где пролегала граница между Востоком и Западом и где мощно веял восточный ветер.

Я пишу историю Касторпа, разумеется, имея свою гипотезу на этот счет. Сюда вплетены две линии — польская и русская, они находятся в одном слое романа; другой связан с изумительной песней Шуберта.

— Жаль, что «Новая Польша» не может напечатать нот...

Беседу вела Сильвия Фролов